

Р.Р. Рахимов

ПУТЬ К ВЕРШИНЕ СПАСЕНИЯ (ИЛИ НЕМНОГО ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНОЙ ЭТНОГРАФИИ)

В предлагаемой статье речь идет об одном из высокогорных паломнических объектов народов Центральной (Средней) Азии. Он расположен в западной оконечности Фанских гор, там, где находится перевал Бузот, служащий водоразделом между истоками Магиандарьи (Республика Таджикистан) и Сурхандарьи (Республика Узбекистан). В центре внимания автора — описание одного из трех основных маршрутов к месту паломничества и поклонения (*мазор/мазар*), известному как *Хазрати Султон* («Святой Султан»). Он начинается от кишлака Сор — селения, соседнего с Магианом, расположенным по берегам одноименной реки Магиандарья. Остальные два маршрута частично или полностью проходят по территории Узбекистана. Об этом совершенно уникальном объекте религиозного интереса местного населения я слышал много лет назад, но остановил на нем внимание лишь в 2007 г., когда странником шел к нему по таджикостанскому маршруту через Магиан.

Излагаемое на последующих страницах являет собой разрозненные путевые заметки о некоторых сторонах образа жизни обитателей двух соседних селений — Зендовуда и Рогича, — зажатых в северных отрогах Зеравшанских гор, составленные по рассказам попутчиков, а также по личным наблюдениям и переживаниям в процессе передвижения к святому месту *Хазрати Султон*. Избранная направленность позволяет продолжить опубликованные на тему пути к святым местам статьи в последних двух выпусках сборника «Материалы полевых исследований МАЭ РАН» [Рахимов 2008: 96–112; 2009: 140–159].

Теперь о самом путешествии к святому месту. Поводом для него послужил рассказ одного из жителей Пенджикентского района, совершившего паломничество к этому ритуальному объекту еще несколько лет назад. Суть его рассказа сводилась к тому, что мазар именуется *Хазрат Султан* или *хазрати Шо(х)*; последнее название в переводе на русский язык означает «святой Шах». Восхождение к св. Шаху от основания конусообразной горной вершины, в верхней усеченной части которой объект находится, нужно начинать в полночь, чтобы к предрассветной заре быть на месте. Только в это время суток можно почувствовать совершенную необычайность паломничества и поклонения хазрату. По одному из рассказов, когда паломник забирается на площадку на вершине «конуса» (она называется *тахтгох* — букв. «тронное место»), возникает

ощущение, что он оторван от земли и пребывает между небом и землей. Если встать лицом к каменному склепу шаха, в центре которого установлен длинный деревянный шест, увенчанный хвостом яка, перед глазами открывается неопишуемая картина причудливой игры постепенно восходящего солнечного диска далеко за горными вершинами в юго-восточной части Фанских гор. Чудо состоит в том, что диск, когда он оказывается на горизонте, напоминает сказочный шарообразный сосуд, наполненный какой-то золотистой массой. Он без лучей. Продолжая свое движение к западу, шар скрывается за первой из трех вершин. С учетом предполагаемой линии подъема светила над горизонтом паломник ожидает его появления из-за вершины немного выше точки, где оно заходило за ней. Но оно показывается не из-за вершины, а еще ниже — почти из угла впадины между первой и последующей вершиной. Возникает ощущение, что это не тот диск, который скрывался за вершиной, а другой. Затем он скрывается за второй вершиной и на этот раз, также ожиданию вопреки, появляется намного выше предполагаемой отметки. Из-за третьей вершины солнце показывается опять ниже точки ожидания его появления, как будто там оно проваливалось. Такое таинственное зигзагообразное движение небесного светила совершенно захватывает воображение. Все это время солнце движется как золотистый шар, без лучей. Они появляются лишь тогда, когда шар оказывается на горизонте далеко за последней — третьей — вершиной.

После такого впечатляющего рассказа трудно было удержаться от соблазна увидеть все это своими глазами. Возможно, в этом естественном зрелище и состоял изначальный магнетизм высокогорного объекта культа, ставшего затем мусульманским. И я настроился на путешествие к Олимпу святителя, при этом имея весьма смутное представление о пути и подходах к нему.

Ранним июльским утром я приехал в Магиан. Там я и узнал о вещах, о которых не мог предположить. Председатель Магианского сельского совета, в разговоре с которым я упомянул о мазаре Святого Султана в ключе моих интересов, проявил явные признаки настороженности. После небольшой паузы он произнес:

— Как вы себе представляете добраться до святого места?

Тон, каким был задан вопрос, показался мне странным. Я ответил:

— Наверное, через Фараб. Я слышал, так ближе.

— Я могу согласиться при условии, что из Фараба вы направитесь к узбекской границе, пересечете ее, а там продолжите свой путь к Хазрату уже по территории Узбекистана.

— А там есть КПП?

— Нет, — последовал ответ.

— Что в таком случае делать с паспортными формальностями? — поинтересовался я.

— Не знаю. Другого пути нет, — коротко ответил председатель.

— Как же, а из Фараба на юг, по гребню горы?

— Это исключено. Я не могу брать на себя ответственность за вашу жизнь. Достаточно нам своих людских жертв и потерь огромного количества животных, которые продолжают подрываться там на узбекских противопехотных минах. Этот маршрут заминирован «дружелюбными» узбекскими властями со времен гражданской войны» 1992–1996 гг. в Таджикистане.

Из рассказа председателя вытекало, что они это сделали из опасения расширения зоны конфликта до таджикоязычных городов и районов на территории Узбекистана.

— Война в Таджикистане закончилась давно, а узбекские власти не собираются разминировать хотя бы пути к объекту культа. Повторяю, при всей нашей готовности помочь вам, мы не можем себе это позволить ради вашей безопасности¹.

Почувствовав твердость в голосе председателя, когда он настойчиво просил меня пересмотреть мои планы, я сказал:

— В таком случае попробуем подойти к объекту с юго-восточной стороны, через кишлак Рогич.

Мне показалось, что этот вариант для моего собеседника оказался неожиданным. Видимо, он полагал, что я не знаю этого кишлака. А я был там еще в середине 1970-х гг. С тех пор жители этого кишлака называют меня «русским», как можно предположить, по признакам прически, непокрытой головы и безрукавки, что не характерно для местных мужчин. Услышав название «Рогич», председатель сказал: «С минами там — то же самое». Возникла пауза. В конце концов он произнес: «Коль скоро вы настаиваете на своем, давайте договоримся: мы не видели друг друга». После этого он принялся быстро что-то писать на листке бумаги, который затем сложил несколько раз и вручил мне, пояснив: «Записка содержит мою просьбу Абдулле помочь вам. В Рогиче он лесником (следовательно, и властная фигура — подумал я)». После этого он распорядился, чтобы один из чиновников сельсовета проводил меня к местному рынку и сдал под опеку кого-нибудь из жителей Рогича, которые обычно в этот день (по средам) приезжают «на большую землю» — в Магиан — за покупками.

---

¹ Когда написание этой статьи шло к завершению, в таджикской печати появилось сообщение о том, что житель кишлака Фараб Пенджикентского района Мухсин Мирзоев погиб в результате подрыва на противопехотной mine в середине прошлой недели вблизи таджикско-узбекской границы. «В текущем году, — сообщает источник, — в результате взрыва противопехотных мин пострадали 7 граждан Таджикистана, двое из которых погибли. Всего с 1992 по настоящее время в результате подрыва на минах в Таджикистане погибло 352 и ранено 449 человек» [Стименфо, 2009].

Выяснилось, что, несмотря на раннее время (не было еще и десяти часов), рынок, как говорят, «уже остыл», т.е. не работает. Чиновник предложил идти к ослику, который стоял одиноко на голом и каменистом месте на берегу Магиандарьи (на этом участке река именуется Оби Борик). На нем была переметная сума (*хурджин*), набитые половинки которой свисали по бокам животного. «Хозяин этого ослика Насрулла. Он брат Абдуллы-лесника в Рогиче. Пойдемте к мечети. Возможно, он там». Мы направляемся к мечети, а Насрулла сам идет навстречу. Чиновник объяснил ему суть дела и обязал его сопровождать меня до Рогича, а там связать с Абдуллой. И мы отправляемся в путь по проселочной дороге против течения Оби Борик к хмурым горным вершинам на юге и юго-востоке от Магиана. Отъехали километра полтора-два, Насрулла останавливается, привязывает осла к дереву у довольно большого двухэтажного строения с крытой галереей (*айвон*) на улицу и говорит: «Вы продолжайте двигаться вперед, мне нужно тут в магазине кое-что купить для семьи. Я быстро. Скоро догоню вас».

Я шел один, может быть, часа полтора по узкому ущелью, то и дело оглядываясь назад, ожидая появления на горизонте Насруллы. Его все нет и нет. Зато меня догоняют двое молодых людей довольно приятной внешности. Каждый из них погонял осла. На ослах туго набитые хурджины. В них — мыло, сахар, спички, арбузы, в канистрах — растительное масло, керосин, поверх всего этого по целому мешку муки. Если подсчитать, то получится под сто килограммов груза на каждого «вседорожника». Глядя на этих безропотных и покорных животных, я подумал об их тяжелой доле.

— Долго они живут у вас?, — спрашиваю у погоняльщиков.

— Обычно три года, редко — четыре.

— Почему люди, когда хотят оскорбить кого-либо, называют его ослом?

— Наверное, из-за упрямства этого животного, — ответил тот из спутников, который шел немного сзади. — Поэтому для управления им люди придували палку. В пути на них все время приходится кричать и рычать, иначе они не понимают человеческой речи. Ходжа Насреддин и то не расстается с палкой, когда следует с ослом.

— Не согласен, — в шутку возразил я, — погоняльная палка Ходжи Насреддина — это образ: он насмехается над людьми, которые обращаются к этому животному, употребляя палку. Скажите, вы не допускаете, что непослушание этого существа происходит от того, что люди его не понимают, что за его упрямством скрывается протест этого умнейшего животного против безжалостности, которую они по отношению к нему проявляют? Ну, да ладно. Давайте оставим эту полемику. Вы лучше скажите, что жители Зендовуда и Рогича производят сами.

Один из молодых людей вяло произнес:

— Немного мясомолочных продуктов. Их едва хватает на нужды семьи. Выращиваем немного картофеля.

— Злаками не богаты. Лето у нас короткое. Едва созревает овес, — добавил второй спутник, положив руки на погоньяльную палку, удерживая ее на плечах.

— Сколько домов в Рогиче?

— Пятьдесят, а в соседнем Зендовуде, откуда мы, двадцать пять, — последовал ответ. — Дома наши большие, по численности семей и членов семей: бывает, что 2–3 женатых родных братьев живут в одном доме. Дома — на крутых склонах.

— Как насчет электричества? — поинтересовался я.

— Электричество мы видим в Магиане. Люди, которые не были там, не знают, что это такое.

Так разговор переходит к социальной сфере. Выясняется, что на два кишлака одна школа, которая считается десятилеткой. Она находится в Рогиче. Преподаватели все приезжие. Обучение в теплое время года: на зиму преподаватели уезжают. Так что продолжительность учебного года составляет 3,5–4 месяца. «Так наши дети умудряются проходить учебную программу десятилетки за четыре года, — уточнил один из молодых людей. — Помещение одно — для всех классов. Вот, и получается, что у нас ни в Зендовуде, ни в Рогиче нет человека с полноценным средним образованием, не говоря уже о людях с высшим образованием».

Рассказы моих случайных спутников о медицинском обслуживании горных жителей были удручающими. «Медицина у нас — народная. Бывает, что больных везем в Магиан». «Каким образом? Ведь, у вас нет ни дороги, ни транспорта». «*Дастак*», — коротко ответил молодой человек. Как он пояснил, *дастак* представляет собой приспособление следующего вида: по бокам осла привязываются два деревянных бруса. Пространство между брусками выкладывается поперечными палочками, поверх которых стелют матрас, на него — больного, после чего два человека берутся каждый за один из свободных концов брусков, и таким образом отправляются вниз по течению реки в Магиан, расстояние до которого восемнадцать километров, как от Зендовуда, так и от Рогича.

— Если больному потребуется экстренная помощь, скажем, у него аппендицит — тогда что?

— Так же. Другого способа нет.

— Сколько времени эта «Скорая помощь» находится в пути?

— В летнее время около семи часов. Зимой — больше. Это зависит от высоты снежного покрова.

Из пояснений вытекает и другое: бывает, что в зимнее время дорога почти до Магиана покрывается голубым льдом. Из-за скользкой ее поверхности ослик часто падает, падают и сами носильщики. «Наверное, бывает, что больных не довозят до Магиана: они умирают в пути». Ответ был уклончив, хотя,

совершенно очевидно, что смерть человека на пути к цивилизации заставляет родственников смириться с судьбой, считая случившееся волей Провидения. Хотя, как мне кажется, грешно ответственность за жизнь людей «вешать» на Провидение. Все объясняется безразличием властных структур к проблемам населения, волей судьбы оказавшегося в суровых условиях гор.

Так за разговорами с молодыми людьми мы подошли к развилке тропы, где они повернули к востоку, уходя вверх к Зендовуду. Оказалось, что он в стороне от пути к моей цели. Мне оставалось снять с ослика свой узелок, в котором был завязан местный стеганный халат (на случай холода в горах), закинуть его за спину, проститься с молодыми людьми и одному продолжить свой путь вверх по правому берегу горной реки к Рогичу — на юг.

Около пяти вечера я уже сидел на тахте под открытым небом у дома лесника. Тахта находилась в двух-трех десятках метров от знакомого мне строения местной школы. Оно состоит из двух помещений — классного и жилого для педагогов. Жилое помещение служит и приютом для приезжих гостей, в том числе и паломников к Хазрату Султану. Мне приходилось ночевать в нем еще в 1974 г.

Лесника-хозяина не было, не было и Насруллы. Жена лесника сказала, что он на сенокосе далеко от селения, что, может быть, появится завтра. Примерно через полчаса появился Насрулла. Его я увидел на расстоянии от тахты, на которой сидел, у местного «супермаркета», представляющего собой половину крытого кузова автомобиля, лихо установленного на огромной каменной глыбе. Оказывается, он — хозяин этого «супермаркета». Пока Насрулла разгружал своего ослика с новыми товарами, выстроилась очередь. В ней в основном женщины и дети. Я послал мальчишку за хозяином «супермаркета», чтобы проконсультироваться с ним относительно дальнейшего пути к святому месту. Как-никак он — брат Абдуллы, к которому я послан. Тот пришел не сразу. Тем временем вокруг меня собралась толпа любопытствующих мальчишек. Был среди них и юноша, назвавший себя *Абдураззак*. Он оказался на редкость любопытным. Вызнал у меня буквально все: откуда я, что меня привело в Рогич, знаком ли я с президентами Таджикистана и России или с генсеком ООН и т.п. Эти странные вопросы забавляли меня. Потом выяснилось, что, задавая их, Абдураззак преследовал определенную цель, о чем я скажу позже.

Узнав, что я собираюсь путешествовать к мазару, в его интерпретации Худж(а) До(у)д («святой Дауд» — библ. Давид), Абдураззак без промедления выразил готовность взять на себя обязанность проводника. Он сказал, что был на интересующем меня ритуальном объекте много раз и хорошо знает все пути и подходы к нему. Он, в частности, заявил: «Я знаю и проход через минное заграждение». «Какое это еще минное заграждение!?» — спросил я, делая вид, что слышу об этом в первый раз. Пока Абдураззак пояснял суть дела, я вспоминал слова председателя сельского совета в Магиане, при обсуждении

рогического варианта маршрута сказавшего: «Мы не видели друг друга!». Но то, что сказал юноша, не повлияло на мое решение дойти до конца.

Я согласился с Абдураззаком, предложившим свои услуги в качестве проводника. Но он почему-то медлил, видимо, ожидая разрешения на то как минимум Насруллы. Немного погодя пришел и Насрулла. Я сказал ему, что, несмотря на позднее время, намерен продолжить путь, что мне нужен проводник, хорошо знающий дорогу к святыне. Он подтвердил слова Абдураззака об узбекских минах и предложил дожидаться возвращения Абдуллы. Но, выслушав мои аргументы относительно необходимости продолжения движения к цели, он согласился. Согласился он и с моим выбором в качестве проводника Абдураззака, который, не знаю почему, сиял от радости.

Получив одобрение Насруллы, Абдураззак побежал куда-то вверх по склону, к которому прилипли дома жителей. Все они каркасной конструкции, между стойками — камень на глиняной обмазке. Страшно представить себе, если произойдет землетрясение, — камни посыплются, скатываясь вниз и оставляя стойки голыми. Через некоторое время Абдураззак вернулся. Он был опоясан поясным платком поверх поношенного пиджака, в руке держал палку.

Когда мы тронулись, а к этому времени солнце шло к закату, Насрулла произнес: *Poxi safed* (букв. — светлого/белого пути), *Худжаи Хизр мадад кунад!* («Святой Хизр да поможет вам!»). У таджиков это обычная формула благопожелания путнику. Одна из многочисленных функций Ходжиа Хизра — популярного персонажа мусульманской мифологии — быть защитником и покровителем людей в пути.

Едва мы оказались на окраине селения, как из-за поворота появился молодой человек с полдюжиной палок под мышкой. Видно было, что они только что срезаны с дерева и тщательно обтесаны. Абдураззак, нисколько ни церемонясь, резким движением руки вытащил у встречного юноши одну палку и вручил мне, сказав: «Теперь мы экипированы полностью и спокойно можем продолжить путь. Лепешки я взял, они у меня завернуты тут в поясном платке». И тут мне вспомнилось представление таджиков о необходимости пояса, палки/посоха и как минимум пары лепешек во время путешествия. Дул холодный и пронизывающий ветер. Мы шли по узкой тропе против течения реки по правому ее берегу. Прошли километра три, перешли по деревянному мосту на левый берег, а там начался подъем. Чем дальше мы шли, тем круче он становился. Вскоре долина погрузилась в абсолютный ночной мрак. «Как это место называется?», — с трудом переводя дыхание, спросил у проводника. «Гурдара». Это название в буквальном переводе означает «Долина Смерти». В ночное время в ней мрачно, как в пещере. Страшно смотреть по сторонам, хотя вокруг, кроме звездного неба над головой, ничего и не видно. Такое впечатление, что здесь опасность подстерегает под каждой скалой, кустом или деревом вдоль тропинки.

С каждым шагом двигаться становится все трудней. Абдураззак, для которого эти тропинки привычны, забирает мой узелок с халатом, чтобы мне легче было взбираться вверх. Освободившейся рукой я достаю из кармана куртки мобильник, чтобы использовать его дисплей как фонарик. Наконец тропинка пошла по относительно ровному месту. Слышу, как Абдураззак говорит: «Через часок у нас будет привал. На нашем пути есть небольшая группа *каппа* (шалашей). Мы там остановимся, попьем чаю, немного отдохнем и в четыре часа продолжим движение». Часок, о котором говорил проводник, оказался мне бесконечно долгим. Тропинка опять пошла вверх. Наконец Абдураззак произнес: «Вот они долгожданные каппа!». В темноте я никаких капп не различал. Я их увидел, когда мы подошли к ним уже вплотную. Шалашей — четыре. В них никаких признаков жизни. «Хозяева уехали на летовку. Сюда они вернуться поздней осенью ко времени созревания ячменя», — пояснил проводник. Я не стал уточнять, почему именно ко времени созревания ячменя и подумал: «Наверно, это связано с календарем, со сбором урожая ячменя; в этих местах пшеница не созревает».

Абдураззак быстро снял связку сухих ветвей, вертикально установленную в проем, служащий входом в шалаш, и предложил пройти за ним внутрь. При тусклом свете мобильного ничего нельзя было различить. Я вдруг почувствовал, что стою на сухой траве. Оказалось, что она покрывает часть внутреннего пространства шалаша, служа неким паласом. Юноша сказал: «Вы посидите тут, а я — за хворостом. Разведем костер, согреемся, чаю попьем». Он вышел из шалаша и тут же растворился в темноте. Буквально через несколько минут он вернулся с большой охапкой хвороста, которую уложил слева от входа, неведь откуда достал спички, и вскоре костер запылал. В пламени огня я осмотрел шалаш изнутри. Справа от меня — большая куча свежего говяжьего навоза. Значит, до нашего прихода странноприимным шалашом пользовались коровы. Каппа своим коническим остовом напоминает чум народов Севера России, но она без покрытия. В отличие от чума местная каппа представляет собой стационарное жилище. Основу ее конструкции составляют шесть массивных необтесанных можжевельных стволов, установленных таким образом, что шалаш принимает форму конуса. Это достигается благодаря связыванию вместе верхних концов стволов; они потоньше, чем нижние. Пространство между стволами забрано ветвями кустов, уложенными вертикально. Такая конструкция позволяет в дождливую погоду внутреннему пространству шалаша оставаться сухим, так как вода, стекая по наклонной поверхности в канавку снаружи в нижней части каппы, уходит в сторону.

Когда костер разгорелся, Абдураззак снова вышел из шалаша и тут же вернулся с двумя фарфоровыми чашками (*тиёла*) и металлическим кувшином для кипячения воды. Чашки он поставил недалеко от костра, взял кувшин и вышел из шалаша, сказав: «Я — мигом, за водой для чая». Он ушел, а я остал-

ся у костра в халате, глядя на пламенеющий огонь. Слышу, как где-то внизу течет шумливая и поющая речка. Вот и Абдураззак пришел, довольный, как будто раздобыл нечто невозможное. «Не опасно было?», — спрашиваю я. «Я знаю тут один безопасный спуск к речке. Он — проверенный, надежный».

Вода закипела быстро. Проводник дотянулся руками до связки сухих веток с мелкими листочками, что висела на стволе можжевельника справа от выхода около костра, выдернул из нее несколько веток и сунул в кипящий кувшин. «Это — дикорастущее *кукути*. Заварка», — пояснил он. Заварка настоялась две-три минуты, после чего началась «чайная церемония» у тлеющих углей. Между прочим, чай оказался весьма вкусным и ароматным. Я пил его с удовольствием.

Абдураззак положил на тлеющие угли несколько толстых палок, чтобы поддержать пламя, и предложил немного поспать. Я лег на сено ногами к костру, накрывшись халатом. Уснул почти тут же. Но вскоре проснулся от холода. Странно, как в горах быстро прогорают дрова. Пришлось разбудить проводника. Он положил на едва живые угли новые дрова. Огонь разгорелся с новой силой. Но сон уже прошел. Я просто лежал, смотря на огонь. В четыре часа встал и Абдураззак. И мы снова в пути. Когда прошли немного, я спросил у проводника, в каком направлении нам предстоит идти. Он указал на Большую Медведицу на звездном небе, назвав ее *хафт бародарони калон* (букв. «Семь братьев больших»), и добавил: «Наш путь — немного левее». Я поинтересовался, что значит «Семь братьев больших»? Разве есть еще и другие братья? «Да, есть еще *хафт бародарони хурд* («Семь братьев меньших»). Гляньте на небо, вот они, — правее больших братьев».

Каменистый путь, по которому мы взбирались, по крутизне оказался куда более трудным, чем тот участок, который был уже пройден. Преодоление узкой и местами пыльной тропы с выступающими из-под земли острыми камнями требовало огромных усилий. Русская пословица «Тише едешь — дальше будешь» очень актуальна и для пешей ситуации. Бывалые люди говорят, что движение по горам не терпит быстроты потому, что путешественник быстро устает, а привал, чтобы перевести дыхание, лишает его силы еще больше. Отсюда и предписание традиции — хочешь дойти до дальней цели, двигайся медленнее и по возможности не останавливайся, иначе организм остывает, что препятствует сохранению силы при движении на большие расстояния. Но тропа на крутом склоне, по которой шли мы, требовала именно быстрого движения, чтобы не сорваться. Так мы оказались на гребне небольшого перевала, откуда открывается вид на летовку жителей Рогича. До нее километра три. Слева от летовки возвышается громадная горная вершина почти в форме прямоугольника; она ассоциируется с *Айдуни Пук* (лит. Айолони Пок) — праведными женщинами (о них будет сказано немного позже). А далеко за перевалом, но уже справа от летовки видна вершина, повторяющая форму описанных выше кони-

ческих шалашей. Там — наверху усеченного «конуса» — святыня Хазрати Султан; она именуется *тахтгох* (букв. «тронное место»). Это и есть моя цель.

Первые лучи солнца уже коснулись тахтгоха. Конечно, жалко, что не удалось до восхода солнца оказаться на вершине. Но это не меняет моих планов — дойти сегодня до объекта, хотя при мысли о минах уверенность смешивается с сомнением.

— Сколько еще впереди?

— Немного, ну, шесть или около того. Короче, одна треть пройденного пути. Говорят, что сам мазар на высоте почти четырех тысяч метров (над уровнем моря).

Летовка представляет собой группу из двух десятков отдельно стоящих убогих каркасных лачуг. Стены — сочетание вертикальных деревянных стоек и камней, уложенных на глине почти без обмазки. Абдураззак привел меня в хижину на краю стоянки. Когда мы вошли в нее, там сидел на корточках невысокий бородатый, немного хмурый мужчина лет 55–60. Он был занят разведением огня прямо у стены, где не было никаких признаков очага.

— Мой отец, — коротко произнес Абдураззак.

— Как же, вы, кажется, говорили, что ваша семья не выезжает на летовку.

— Да, это так. Но, узнав о том, что мы с вами в пути к Худж(е) До(у)ду, решил последовать за нами.

«Ясно, — подумал я, — Из опасения за жизнь сына».

— Как же это так — он отправился в путь из Рогича после нас (как выяснилось потом — в полночь) и оказался здесь раньше нас?

Мужчина пояснил, что, не доходя до шалашей, где мы останавливались, он свернул с нашего пути, уходя сначала на юг, а затем на запад в нашем направлении. Этот путь не короче, чем тот, по которому шли мы. Но отец Абдураззака шел всю ночь, нигде не останавливаясь. Поэтому он оказался на летовке раньше нас.

За чаем, который был заварен прямо в кувшине — металлическом кипяильнике, Абдураззак представляет меня своему отцу:

— Наш гость — из Душанбе, от президента нашей страны. Он большой человек. Имел личные встречи с президентами Киргизии, Узбекистана, России, Казахстана и Америки. Сейчас границы между этими странами упраздняются. Их не будет... Он хочет показать нас по телевизору и рассказать о нашей трудной жизни... Ему нужно к святыне Худж До(у)да.

Я пытаюсь понять смысл всей этой «дипломатии» Абдураззака. Почти не остается сомнений, что для него это — некий пиар: мол, посмотрите, мои односельчане, какую важную фигуру я имею честь сопровождать! Вот пример моей значимости! В какой-то момент я подумал: «Было бы у него образование, должность президента Таджикистана или генсека ООН была бы ему гарантирована».

Закончив чаепитие, мы отправились в путь вверх к объекту почитания. Туда нас ведет уже не Абдураззак, а его отец, «узурпировавший» обязанность проводника. Отправленный «в отставку» юноша сник и загрустил, как-то ушел в себя. Было видно, что он потерял интерес к нашему путешествию. На первой остановке до сих пор молчавший отец Абдураззака заговорил: «Все, что я слышал — хорошо. Но... Есть ли у вас какой-либо документ или письмо от больших (центральных) начальников?». Абдураззак поспешил опередить меня, сказав: «Да, я сам видел, у нашего гостя есть все — и паспорт, и письмо от больших начальников». Конечно, он слукавил, на эту тему разговора у нас не было. Едва я достал из кармана паспорт, как Абдураззак сказал отцу: «Видите, какой у него паспорт — красный!». «Старший» взял его, полистал как-то безразлично и вернул мне. «А как насчет письма?», — спросил он. Я был слегка озадачен: у меня, кроме блокнота, другой бумаги с собой не было. Наугад сунул руку в боковой карман, а там какая-то бумажка, вся мятая-перемятая. Развернул ее и увидел на одной стороне набранное на компьютере стандартное приглашение какого-то акционера на собрание. На полях и на обороте — заметки, сделанные мною во время предыдущей поездки в Горную Магчу. Ее я и протянул «старшему». Он взял, посмотрел на нее, выдержал паузу, а затем спросил: «Почему в вашей бумаге и печатные буквы, и буквы от руки?». «Печатные буквы — это само письмо от больших начальников, а то, что от руки — их подписи», — поспешил пояснить Абдураззак. Видимо, это успокоило бдительного проводника, и он вернул мне бумагу. Я не хотел терять ее из-за упоминавшихся заметок, которые еще не успел занести в левой дневник.

Проверка, которой подверг меня «старший», показалась мне странной. Не знаю почему, но в душе у меня возникло сомнение в благополучном исходе задуманного. Так или иначе, после еще двух остановок мы были на гребне перевала Бузот, откуда открывается конусообразная горная вершина — святыня хазрата/ходжи, шаха Султана или Давуда.

Предания о святом — замечательный пример представлений таджиков не только о горной вершине определенной формы, в данном случае конической, но и о пещере (*гор*) как обиталище героев и праведников. Здесь отмечу лишь то, что, по преданию (*ривайат*), известному среди местного населения, хазрата преследовали противники шиитской партии 'Али (Али) б. Аби Талиба (четвертого праведного халифа и зятя Пророка Мухаммада). Уходя от преследований, грозившей святому смертью, он нашел убежище сначала в Тронном Месте (*тахтгохе*), а затем, после совершения там молитвы, о чем якобы свидетельствуют «отпечатки» его рук и лба на камне при позе *саджда* (поклонения), — в пещере в невидимой (северной) части «конуса».

Из рассказов я делаю вывод, что эта пещера находится на северо-восточной стороне тахтгоха и доступна разве что птицам. По ривайату, был все же

один смелый человек, прославивший затем праведным, который спустился с вершины спасения к входу в пещеру и проник внутрь ее. За это он был прозван *Хаджаджи Паранда* (букв. «Хаджадж Крылатый»). Чудотворец спустился с горы с дарами пещеры. Ими были три яблока, три граната (по другой версии — три груши) и три грозди винограда. Он рассказывал окружающим об увиденных в горе райских садах и прозрачных родниках, наполняющих звенящие ручьи и речки, несущие свои воды во все уголки пещеры. Гор утопает в зелени и благоухает цветами. В центре пещеры — огромное дерево. Четыре его ветви обращены к четырем сторонам света. На одной из них висит голова убиенного имама Хусейна — сына Али б. Аби Талиба. Он мученически погиб от рук сторонников халифа Йазиды, враждебного алидам, т.е. партии его отца. Голова имама завернута в белую матерью, из которой и поныне сочится кровь.

Согласно ривайату, когда имам Хусейн был убит, злодеи отделили его голову от тела и целую неделю забавлялись, пиная ее ногами. Ходжа Султан глубоко переживал, видя, как безумцы издеваются над головой его племянника. В порыве гнева он отрезал голову собственного сына и, уловив момент, подбросил ее к ногам обезумевших сторонников Йазиды, заменив ею голову племянника-имама. С ней в сопровождении группы воинов он бежал на восток. Противник преследовал его до Фанских гор. Милостью Бога здесь он нашел пещеру, которая и стала его спасением.

Такова канва мифологии эпонима мазара. Что касается его ритуального посещения, то спустя несколько лет после обретения Узбекистаном статуса независимого государства два маршрута к нему со стороны Таджикистана — рогичский и фарабский, — были отрезаны сначала погранзаставой, а потом противопехотными минами. Теперь таджикистанским паломникам святыня доступна только с территории Узбекистана. Но, по рассказам, существующие правила пересечения гражданами Таджикистана границы этой республики таковы, что они не гарантируют таджикистанским паломникам беспрепятственного ритуального путешествия к объекту культа.

После небольшой передышки на перевале я предложил спуститься вниз к узбекской границе. Проводники дошли лишь до каменных «пограничных столбов», видимо, выложенных рогичскими чабанами от нечего делать. «Старший» опустил на землю, его примеру молча последовал и Абдураззак. «Старший» сказал: «Дальше нельзя. Там — мины. Несколько лет назад на них наварались семьдесят наших коров и овец, а два года назад случилась беда: наварались четверо наших парней. Один погиб на месте, трое получили тяжелые ранения». Абдураззак, который еще в Рогиче уверял меня, что знает безопасную тропинку к ритуальному объекту, молчал. В отношении его искренности у меня сомнений не было. Думаю, что отговорил его от задуманного отец. Я пытался склонить «старшего» к продолжению движения вниз, хотя бы к гробнице

Мукбил Шо (у основания «тронного места»), по преданию, брадобрея святого Султана, но он был непоколебим. Я начал спускаться по бездорожью к Мукбил Шаху один.

В отличие от юго-восточной (таджикской) стороны Бузота его северо-западная (узбекская) сторона покрыта густой травой. Абдураззак как-то сказал, что в этом месте в траве полно ядовитых змей. Но в этот момент я о них не думал, хотя был обут в кроссовки с джинсовым верхом. Почти вплотную подошел к крестообразным металлическим стойкам, вбитым в землю и обозначающим узбекскую границу. Это и были маркеры смертоносных мин на пути к объекту паломничества. В советское время тахтгох Хазрата Султана и уже упоминавшаяся святыня *Айолони Пок* (она связана с женой самого хазрата и женами его сторонников) составляли части единого культового объекта. После распада СССР Хазрат Султан оказался на территории независимого Узбекистана, а Айолони Пок — на территории Таджикистана. Говоря фигурально, в новое (постсоветское) время брак между святыми супругами оказался по-смертно расторгнутым. Теперь Хазрат Султан «отгораживается» от своей супруги противопехотными минами.

На обратном пути к летовке Абдураззак предложил спуститься в относительно неглубокий, но длинный овраг, из красноватых и почти вертикальных стен которого сочилась вода. Стекая вниз, она образует мелкий ручеек. Это один из двух стоков речки Гурдара. Второй сток берет начало в озере *Айолони Пок* на высоте 3600 метров над уровнем моря к югу от одноименной святыни Айолони Пок. Озеро наполняют ручейки, которые стекаются у подножий громадных горных вершин, состоящих из мрамора черного, серого или розового цветов и расположенных к юго-востоку от святыни беглянок. Оба стока затем сливаются с Магиандарьей, а эта последняя внушительным потоком впадает в Зеравшан.

Когда мы оказались в овраге, Абдураззак начал что-то искать. Было такое впечатление, что он ищет потерянную здесь вещь. Спустя немного времени он поднял какую-то вещицу и показал мне. находка ничем не отличалась от рукотворной глиняной игрушки, по цвету повторяющей местный краснозем. Она имела безупречную форму конуса со спиралевидной линией на поверхности. Конусообразные шалаши, конусообразная святыня, здесь еще конусообразные глиняные «игрушки», изготовитель которых сама природа, — во всех этих совпадениях форм сокрыта какая-то мистическая тайна, которую невозможно разгадать. Абдураззак сказал: *Ин тумор ба Шумо* («Этот оберег — Вам»). Пока мы шли вниз по оврагу, он продолжал поиск этих тумаров, предлагая мне последовать его примеру. В итоге я нашел два таких же тумара, он — целых пять. Проводник сказал, что паломники носят их на шее.

Вернувшись на летовку, я вспомнил, что со вчерашнего утра у меня во рту и крошки не было. Пил только чай. Поэтому, когда обитатели летовки предло-

жили мне чашку кислого молока, я охотно согласился. «Старший» словно испарился. Мы с Абдураззаком тронулись в обратный путь.

Юноша, волею случая восстановивший свои права проводника, предложил частично изменить маршрут и идти тем путем, которым шел накануне его отец. Это позволило мне познакомиться с очень интересным культовым объектом, который составной частью входит в комплекс Хазрата Султана. Объект, именуемый *Мазори Шахидон* («мазар шахидов»), представляет собой весьма колоритную каменную груду внушительных размеров, сложенную в овальной форме ближе к подножью прямоугольной скалы Айолони Пок. Она состоит из камней гранитной породы с естественным образом отшлифованной гладкой поверхностью. Формы многих из них почти не отличаются от рукотворных. Различимы, к примеру, «бюст», правда, с отрубленной головой и отрезанными руками, часть «седла», а также «фигуры» воинов, якобы сторонников шиитской партии алидов, павших или сражающихся с враждебным им отрядом Йазида. В центре груды, обнесенной каменной же стеной, водружен длинный туг-шест, который венчают рога архара.

Этот мазар находится на развилке путей к святыням Айолони Пок и Хазрата Султана. Следуя к ним, верующие останавливаются около него, читают молитвы, совершают вокруг святыни ритуальные круги и продолжают свой путь далее вверх к одному или другому объекту. Здесь нужно коротко сказать об уже упоминавшейся священной горе прямоугольной формы, называемой *Кухи Айолони Пок*. Ее высота около четырех тысяч метров над уровнем моря, она расположена недалеко от уже описанного культового объекта Хазрата Султана. Как уже говорилось, объект паломничества Айолони Пок связан с культом мусульманских (шиитских) беглянок — святых жены самого святого и жен его сторонников, также спасшихся от преследования воинов Йазида, забравшись на вершину труднодоступной горы.

Далее наш путь шел по тому участку, по которому следовал за нами вчера ночью отец Абдураззака. Часть спуска по нему оказалась гораздо сложнее, чем подъем. Вообще, глядя на пройденный нами в минувшую ночь путь уже при свете дня, по настоящему стало страшно. Я шел и в душе воздавал молитву небесным силам за то, что они не дали ночью погибнуть в Долине Смерти. Зажатая с двух сторон головокружительными горами, Гурдара представляет собой мрачное царство громадных глыб и валунов. Другая характерная черта ландшафта — густые заросли кустов и деревьев, сквозь которые, петляя, проходит узкая полоска тропинки. Из-за крутого подъема путешественнику, следующему по ней, редко приходится оглядываться по сторонам, чтобы не сорваться.

Около шестнадцати часов мы были в Рогиче. Абдуллы по-прежнему не было. Его жена предложила чаю. Я отказался, поблагодарив, и начал спускаться вниз один, сначала по склону, а затем по ущелью к Магиану. Уже стемнело, когда я прибыл туда. Не было больше сил продолжать путь. Вспомнил своего

давнего знакомого и гостеприимного хозяина Джобиркула. Он и его сын встретили меня очень приветливо. К дастархану было подано обильное угощение, а чуть позже и ожидаемый, по обычаю гостеприимства на Востоке, плов. Почувствовав мою усталость, Джобиркул распорядился приготовить постель. Рано утром следующего дня на перекладных я уехал в Гусар (откуда начинал свой путь к перевалу Бузот). Не доехав до места, машина сломалась. Пришлось идти долго с увязанным в поясном платке халатом на конце палки, которая была у меня на плече. Один из моих знакомых в Гусаре, увидев меня в таком виде произнес: «Неужто к нам пожаловал Радж Капур?!» (индийский актер, сыгравший главную роль в фильме «Бродяга». — Р.Р.).

Кто-то из восточных мудрецов сказал: «Цель влечет за собой и страдание». Мое многотрудное и безрезультатное путешествие в поисках чудес через Долину Смерти к минному заграждению, закрывавшему от меня вершину спасения, вполне это подтверждает. Полученный мною результат весьма скромнен. Он выражается в открытии для этнографии ритуального объекта, который, судя по всему, хранит в труднодоступных горных вершинах интересные отголоски мысли и переживания отдаленных времен.

Библиография

Рахимов Р.Р. Путь в пещерное погребение // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 8. СПб., 2008.

Рахимов Р.Р. Пути к святыне в теснине гор // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9. СПб., 2009.

Сtimeинфо. Душанбе. N 28. 8 июля 2009.